

Maria Nikołajewa

Панегирическое действо на смерть Петра I

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 3, 9-24

1979

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Панегирическое действо на смерть Петра I

Мария Николаева

Спустя несколько дней после похорон Петра I в Петербурге (8 марта 1725 года), где Ф. Прокопович произнес свою известную надгробную речь, „в царствующем граде Москве”, в Славяно-греко-латинской академии было устроено торжественное поминовение императора, принявшее несколько необычную форму. Оно состояло из двух частей. Сперва была отслужена панихида, завершившаяся пространным *Словом*, произнесенным учителем философии Германом Концевичем¹. Затем тут же, в церкви, „от греско-латинских учителей и от студентов” было дано публичное представление, или „феатр”, озаглавленное *Надгробных похвалы ... Петру Великому*. До сих пор в науке, пожалуй, не было известно ни о проповеди Германа Концевича, ни о „феатре”, устроенном Академией по случаю смерти императора. В рукописях XVIII века сохранились не только сообщение о самом факте траурных торжеств в Московской академии и точная дата этого события, но и тексты литературных сочинений, возникших там в связи с этим событием, вызывающие определенный научный интерес.

Текст проповеди Г. Концевича известен нам по одному списку, находящемуся в составе исторического сборника 60-х годов XVIII века, хранящегося в Рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде². Текст же *Надгробных похвал* целиком или частично обнаружен нами в рукописных хранилищах Москвы и Ленинграда в семи списках в составе трех различных по содержанию сборников XVIII века, посвященных Петру I.

¹ В книге С. Смирнова: История Московской славяно-греко-латинской академии, Москва 1855, с. 196—197, о нем сообщается: „Он был воспитанником Киевской академии, потом учителем в Московской; в 1726 г. читал философию, через год определен наставником богословия, еще через год стал ректором Академии. Умер в 1735 г. в сане архиепископа Архангельского”.

² ГПБ, НСРК, 1929, Q, 755; заглавие проповеди: Слово на поминовение всепресветлейшаго державнейшаго великаго императора и самодержца всероссийскаго, отца отечества, государя всемилоуивейшаго, проповеданное в царствующем граде Москве в Законоохранном монастыре учителем школы философии Германом Концевичем 1725 г. марта 20 числа. (л. 64 об. — 73 об.)

Пять из этих семи списков читаются в пяти экземплярах обширной компилятивной *Истории Петра Великого*, представляющей его жизнеописание от рождения до погребения³. В основу этого произведения положена *История Свейской войны*, дополненная материалами, освещающими жизнь и деятельность царя до начала войны со Швецией и после завершения ее⁴.

Однако полный текст *Надгробных похвал* имеется лишь в одном списке этого жизнеописания императора (Ф. IV. 295), в четырех же других сохранилось лишь *Предисловие* к ним.

Еще два сравнительно полных списка находятся в двух других, неодинаковых по своему составу сборниках, из которых один хранится в Библиотеке им. Ленина в Москве⁵, а другой — в Публичной библиотеке в Ленинграде⁶.

Следовательно, полный (или почти полный) текст надгробного панегирического действия содержится в трех из семи известных нам списков — в П, Л и П I.

По полноте и сохранности лучшим является список П, который принимается за основу для дальнейших наблюдений⁷.

Театральное действо, как следует из посвящения к нему, происходило 20 марта 1725 года⁸.

Сохранилось также известие (только в составе указанной компиляции) о характере самого события: оно происходило при большом стечении народа в церкви, посреди которой поставлен был гроб, символизовавший гроб императора, над которым студенты поочередно произносили „речи” и силлабические стихи, оплакивая „отца отечества” и воздавая ему благодарность и хвалу как „фундатору” и покровителю училищ и как строителю России⁹.

³ ГПБ, Ф. IV. 295, серед. XVIII в.; далее обозначается буквой П; ГПБ, Ф. IV. 8; ГПБ, Q. IV. 266/1—7; ГБЛ, ф. Шибанова, 286, т. 1, № 23, т. 2, и № 24, т. 3; ГБЛ, ф. Ундольского, 1328.

⁴ В большинстве списков эта история Петра Великого оказывается продолженной обзором следующих царствований, вплоть до Анны Иоанновны, в царствование которой, по предположению Е. Шмурло, она и была составлена. Е. Шмурло: *Петр Великий в оценке современников и потомства*, вып. I (XVIII век), СПб, 1912, примечания, с. 49—50.

⁵ ГБЛ, фонд 178, Музейн. собр., 6511; датирован 1769 г. Далее обозначается буквой Л.

⁶ ГПБ, НСРК, 1929, Q, 755, датируется нами также 60-ми годами XVIII в. Далее обозначается П I.

⁷ В дальнейшем цитаты даются по этому списку (П), номера листов (по новой пагинации) указываются в тексте изложения.

⁸ „Петру Первому императору вся Россия августейшему отцу отечества и благоутробнейшему прекрепкому в бранех победителю, преславному мироподателю, прещедруму фундатору от добродетели к небесам, от смерти к бессмертию преселенному, сей истинный печали своей феатр благодарная академия их величества Московская устроил 20 марта 1725 году.” (Л, л. 250; П I, л. 73 об.)

⁹ „В училищном же Законошасном монастыре в церкви состроен был гроб и поставлен посреди церкви и при собрании множественного народу от греко-латинских учителей и от студентов о добродетелях его императорского величества, яко отцу отечества благоутробнейшему, прекрепкому в бранех победителю, преславному мироподателю и оных училищ прещедруму фундатору благодарное изречение было по отпении панахиды следующим образом.” (П, л. 448 об. — 449)

Это известие было замечено и даже напечатано А. Ф. Бычковым, описывавшим рукописи Публичной библиотеки, относящиеся к истории царствования Петра I¹⁰.

Однако А. Ф. Бычков, опубликовавший данный фрагмент по рукописи F. IV. 8 и указавший на другую рукопись того же состава (F. IV. 295), не заметил, что в последней имеется не только известие о надгробных „изречениях”, но и сами „изречения”.

Предлагаемый далее анализ текста *Изречений*, или *Похвал*, покажет, что публичное представление, данное „студентами” (так называли только учащихся последних, старших классов „училищного Заиконоспаского монастыря”) по случаю кончины государя, было задумано и осуществлено как серьезное предприятие, связанное с ключевыми вопросами тогдашней общественно-политической и литературной борьбы. Как будет показано ниже, смысл надгробных плачей, „благодарений и похвал” не сводился лишь к выражению скорби по отношению к умершему императору. Гораздо важнее было другое. Здесь предлагалась итоговая оценка завершившегося царствования как нового этапа в развитии русского сознания, общественно-политической мысли, культуры, как начала Новой России. Авторы стремились поднять образ только что ушедшего из жизни царя на ступень идеального, просвещенного монарха, придать его идеям и свершениям, а также самой его личности значение недостижимого образца.

Слушателям и читателям внушалась мысль о непреложности и благодати для судеб России трудов и подвигов императора. Его деятельность представлялась здесь как сознательная и целеустремленная, движимая не божественною волею, хотя и угодная богу, но единым желанием блага и „пользы” отечеству, во имя которого царь не щадил ни сил, ни здоровья, ни самой жизни¹¹.

Найденный текст *Надгробных похвал* обращает на себя внимание прежде всего своей оригинальной структурой. Он состоит из *Предисловия*, за которым следуют две однотипные по своему составу части с аналогичными заглавиями (*Надгробныя похвалы всемилостивейшему императору училищ наших основателю Петру Первому от риторов*¹² и *Надгробныя похвалы ... от пиит*¹³) и одинаковой концовкой (*Аминь*).

¹⁰ А. Ф. Бычков: Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, СПб., 1872, с. 132.

¹¹ Считаю нужным сделать следующую оговорку. Воспевая деятельную жизнь императора и его невыдуманные заслуги перед отечеством, авторы „Похвал” представляли эту жизнь лишь с одной, парадной стороны, как цель побед и свершений, умалчивая о ее темных сторонах. В жанре „Похвал” не могло быть речи об испытаниях, выпавших на долю народных масс, вынесших на своих плечах не только все тяготы войн, но и тяготы преобразований. Жестокость, с которой чинилась расправа над несогласными с политикой преобразователя, здесь также в расчет не принималась и приниматься не могла.

¹² Л., л. 251; ср. в П.: Надгробныя похвалы всемилостивейшему императору училищ наших основателю. (л. 450)

¹³ Л., л. 256; ср. в П.: „При том же политическия разговоры сиецвыя быша.” (л. 457)

Завершается произведение пространным заключением, которое в списке П озаглавлено *Конфермация*. Каждая из двух главных частей — риторическая и пиитическая — в свою очередь членится на семь относительно самостоятельных и неодинаковых по объему единиц — монологов, распределенных между исполнителями — „студентами”: семью риториками („От первого студента”, „От второго студента”, ... „От седьмого студента”) и семью пиитами („первым”, „вторым”, ... „седьмым”). Таким образом, в членении текста *Похвал* отчетливо проступают структурные элементы школьной драмы: пролог (*Предисловие*), два действия („*Похвалы ... от раторов*” и „*Похвалы ... от пиит*”), состоящие из отдельных монологов (сцен или выходов), и эпилог (*Конфермация*). Заметим, однако, что такое последовательное членение текста на составляющие его структурные элементы, а также распределение его между исполнителями имеется только в списке П.

Предисловие, предворяющее собственно *Похвалы*, написано в иносказательной форме. Оно является полемическим выпадом против „злых”, неблагодарных и „бесчеловечных” людей, забывающих своих „благодетелей”, когда те умирают. Уподобление этих людей „камни жесточайшему”, „скоту бессловесному” кажется автору недостаточным, в его глазах — они хуже животных и хуже зверей, способных временами на сострадание, верность и преданность своему покровителю и „питателю”.

В качестве назидательного образца, иллюстрирующего авторскую мысль, привлекается популярная в литературе XVII-XVIII веков патеричная новелла о „блаженном Герасиме и Львс.” Пересказывается кульминационный момент этого легендарного сказания о том, как царь зверей Лев, спасенный от гибели и прирученный монахом Герасимом, „отвергий естества своего ярость”, проникся к своему благодетелю такой истинной благодарностью и привязанностью, что, когда Герасим скончался и был похоронен, Лев нашел его могилу, лег на ней и, не сходя, умер от тоски и горя¹⁴.

Осудив в общей и иносказательной форме людей, забывающих благодетелей, автор далее переводит свою речь в конкретный план и обращается к реальной действительности, событиям и лицам.

Его реальным героем — „благодетелем” — является умерший император, имя и подвиги которого признаются бессмертными; более конкретны здесь и „бесчеловечные” и „неблагодарные” — недоброжелатели и противники преобразователя. Им противопоставлены учителя и студенты Московской академии, преисполненные любви к императору и верности его делу „не па некое время, но на всю вечность”.

Но память о великом человеке и благодарность за его „неизмеримые благодеяния” отечеству не должна быть, по убеждению авторов, мол-

¹⁴ Иоанн Моск: Луг духовный, в переводе с греческого языка, Москва 1848, с. 107—110.

чаливой. Те, кого он вывел „из тьмы неведения к полуденному свету мудрости”, кого он спас от мрака невежества и бесславия, должны воздавать ему благодарение и славить имя его.

Заканчивается *Предисловие* традиционными самоуничижительными словами авторов, стремящихся „достойне возблагодарить” героя и создающих невозможность осуществить это стремление по слабости своего поэтического дарования (по „бессилию нашему”).

Таким образом, в *Предисловии* определены причины, побудившие авторов к написанию *Похвал*, и идейно-политические позиции, которые они занимали в современной им идеологической жизни и которыми руководствовались, составляя *Похвалы*.

Будучи приверженцами идей просвещения и разделяя убеждение, что Россия времен Петра I — это Новая Россия, а допетровская Русь — это тьма, мрак невежества и бессилия, авторы *Похвал* считали своим первейшим долгом не „умолчать Гарпократора немотою”, а напротив — гласно, средствами публицистического слова защищать и распространять эти идеи. В этом плане они как бы вторили многочисленным „речам”, „словам”, высказываниям Ф. Прокоповича, написанным и произнесенным главным образом еще при жизни царя. Но важно подчеркнуть, что их реакция на событие была незамедлительной и вполне определенной: даже после смерти Петра дело его достойно признания и славы.

Обратимся далее к главной части произведения, состоящей, как сказано, из „*Похвал ... от риторов*” и „*Похвал ... от пиит*”.

Главнейшие тематические аспекты *Надгробных похвал* могут быть определены в следующем виде: Россия — и Петр I, жизнь императора — и смерть, смерть — и бессмертие.

Примечательно, что на первом плане не смерть, а деятельная жизнь царя. Учителя и отроки Академии возносили хвалу ему за его „присные труды”, направленные „ко общему добру”, за то, что он „славу российскую на весь мир даже до небес возвыси” (л. 451) и что для блага России не пожалел и самой жизни своей — „сам себя той основанием положи” (л. 453 об.).

С наибольшим пафосом превозносились воинские подвиги царя. Упоминались и перечислялись многочисленные победы, одержанные на полях сражений, назывались отвоеванные у противников крепости, города и земли, открывшие „сыновом российским путь свободен ... морем и землю на вся страны света” (л. 450 об.).

Характеризуя Петра-воина и полководца, авторы выстраивали целые ряды синонимических определений, эпитетов, уподоблений, которые должны были выразить предельную степень его воинского могущества. Он „премножитель России”, „ужаснитель Севера, Юга, молния огнепальная, трепет Востока, Запада примиритель”; „Востока, Запада,

Севера, Юга победитель”; „трепет врагов”; „храбрый”, „изряднейший” сын Марса, „второй Ахилл”.

Но прославление Петра I лишь как деятеля России, как „отца отечества”, казалось авторам недостаточным. Они стремились представить его как образ общечеловеческий, вознести на самую высокую ступень человеческих возможностей, признать за ним превосходство над самыми прославленными деятелями всех времен и народов, ибо он, по их мнению, в себе одном соединял достоинства и таланты многих и был равно велик как воин и полководец, правитель и политик, строитель и просветитель. Отсюда — сравнения его с прославленными образами древности. Так, в „речи” „от четвертого студента” читаем:

Царь Петр „[...] великих и премудрых императоров клевет. Аще возриши на благоутробие — Троян, аще на истинну — Солон, аще на мудрость — Соломон, аще на благочестие — Фабий, аще на благовейство — Нума, аще на совет — Катон, аще на благодать — Кесарь, аще на разум — Нерва, аще на крепость — Самсон, аще на храбрость — Александр, аще на славу — вся, аще на имя — Петр. Сих всех в себе живущ изобрази, смертью же своею печально порази.” (л. 454 об.).

В данном случае мы имеем дело с таким способом характеристики героя, который присущ литературе „житий”. Он намечается уже в *Житии Александра Невского*, но особенно характерен для агиографии XIV—XV веков, утверждавшей новый стиль „плетения словес” (Епифаний Премудрый). Суть этого способа сводилась к тому, что к отдельным добродетелям героя, которым автор стремился придать крайнюю степень силы и совершенства, подыскивались аналогии среди выдающихся исторических, библейских, мифологических имен, носителей соответственных свойств. В результате выстраивалась целая цепь таких имен, которым герой уподоблялся и которым он вместе с тем противопоставлялся, так как конечной целью автора при этом было возвышение его над каждым из тех, с кем он сравнивался, и над всеми ими, вместе взятыми.

Образ героя внешне приобретал ореол величия, торжественности и монументальности, оставаясь по существу абстрактным и умозрительным, лишенным плоти и крови. Иначе и не могло быть, поскольку такой способ характеристики героя лежит в сфере чисто риторической. Тем не менее он оказался активным и в литературе петровского времени, в частности в „словах” и „речах”, посвященных Петру I и написанных после его смерти. Кроме рассматриваемых нами *Похвал*, он может быть отмечен в сочинениях Ф. Прокоповича (*Слово на погребение Петра Великого*), но особенно гипертрофированную форму он приобретает под пером П. Крекшина, составившего *Краткое описание блаженных дел великаго государя императора Петра Великаго ...*¹⁵

¹⁵ Рукопись хранится в Москве, в Центральном Государственном архиве древних актов, фонд 17, № 167.

Следует отметить, что в сочинении на смерть Петра отсутствует описание ее самой как физического страдания, агонии, разрушения. Нет даже намеков на то, как боролся этот могучий человек со своим смертельным недугом¹⁶, если не считать нескольких кратких замечаний о том, что смерть наступила по „дванадцатидневной болезни” (л. 452), „через болезнь тяжку” (л. 459). Словом, здесь отсутствует тема ужаса смерти, как отсутствовала она и у стихотворцев второй половины XVII века, С. Полоцкого, его учеников и современников. В их сочинениях, написанных на тему смерти, бренности всего земного, господствовало, по наблюдению А. М. Панченко, „скорее элегическое, чем трагическое настроение”, что, по его мнению, вполне согласовывалось с представлениями православной церкви о смерти: смерть страшна только для грешника, праведному же человеку ее бояться нечего, к ней нужно готовиться¹⁷. Это наблюдение в известных пределах справедливо и для рассматриваемого произведения.

„Отроки” — исполнители *Похвал*, обращая взор, мысли и чувства к гробу Петра I, говорили о всесилни и неотвратимости смерти как неизбежном конце всего живого и как явлении, не постижимом человеческим разумом и от человека не зависящем: „божие то дело”.

Особенно часто внимание читателей и слушателей фиксируется на противопоставлении земного могущества властителей, царей, победителей — и бессилия их перед лицом смерти. Она „погашает и сиятельнейших, сравнивает и превысочайших, затмевает и пресветлейших” (л. 454 об.), „скипетры ... ломит”, разбивает „вся троны”, сокрушает „златая короны”. Именно об этом идет речь в пятом и седьмом „словах” риториков и во втором и третьем монологах „разговоров поэтических”.

И все же как указанные нами строки, так и другие, аналогичные им по содержанию и рассыпанные по всему тексту *Похвал*, свободны от выражения леденящего душу чувства страха и ужаса перед свершившимся. Авторам свойственна сдержанность и равновесие в передаче скорбных чувств и переживаний.

Проявившееся здесь чувство меры и сдержанности в трактовке темы смерти — явление, по нашему убеждению, не случайное и находит свое объяснение не только в христианских, но и в просветительских взглядах авторов, в их новом, основанном на разуме, понимании смысла и ценности человеческой жизни, жизни Петровой в частности.

В согласии с этими представлениями Петру суждено было великое предназначение — защита России от внешних врагов, преобразование ее, обновление и просвещение. И это предназначение, по убеждению авторов, ему удалось осуществить благодаря природному уму и энергии,

¹⁶ См. об этом у Ф. Прокоповича: О смерти Петра Великого краткая повесть, СПб., 1726.

¹⁷ А. М. Панченко: Русская стихотворная культура XVIII в., изд. „Наука”. Ленинград 1973, с. 202—203.

редкостному трудолюбию и всепоглощающей любви к отечеству, которая была главным двигателем его жизни.

В этом осуществлении — высший смысл жизни преобразователя и величайшее благо „государства, ему врученного”. В этом — его заслуга перед отечеством, открывавшая ему путь в нескончаемость, вечность. Перед великими свершениями жизни физическая смерть Петра отступала на второй план, ибо она, как бы ни была тяжка, не властна погасить ни его идей, ни трудов, воплотившихся в военных победах, в создании новой армии и флота, в строительстве городов, в открытии школ и училищ. Бессмертны его мысли и дела, бессмертна память о нем в сердцах потомков.

Мысль о бессмертии дел Петровых является главной, проходящей через все произведение, все его части, получая и прямое, и косвенное выражение. Сама же смерть его, говорят риторы и пииты, горька и печальна не умершему, а оставшимся в живых.

Так, имея в виду смерть Петра, „первый студент” от имени раторов возглашал:

„Мы точию едни неутолимоу от смерти печалию обидимы есмы, а не наш император, его же ... до небесного венца бог всемогущи царь славы ныне избра.”,

ибо он (Петр — М. Н.)

„[...] бессмертною славою своею и кавалерскою храбростию не точию в Европе, Азии, отеческой своей державе, но и во всем мире вечно имать жити.” (л. 451 аб.)

Поэтому

„[...] не требе есть плакаться смерти сего, его же дела во всем мире жива пребывают, аще бо и лежит и недвижим, иже не звержен под нозе неприятеля, но победителя смерть от земли на небо приведе.” (л. 456) — обращался „шестой студент” к присутствующим.

Но особенно интересен в этом плане текст, написанный в виде эпитафии, который надлежало произносить „пятому” оратору. Интересен тем, что дан от лица самого Петра, как голос из гроба, что могло ассоциироваться с житийными „чудесами”, совершавшимися у гроба святого. Петр как бы вступал в безмолвный разговор с присутствующими, стоящими у гроба, напоминал им о своей земной жизни, отданной отечеству, и утешал дарованным ему бессмертием:

„Ныне же есмь сень и прах оледеневый. Смерть погашает и сиятельнейших, сравнивает и превысочайших, затмевает и пресветлейших. Аще хоцещи уведати имя — Петр Первый. Аще род — повелитель превысочайший россов православный, Аще достоинство — император, самодержец всероссийский, Аще жизнь — и сию в научении, в крепости, в победах на Востоце, на Западе, на Севере; на Полудни присно во оружии препроводих; в отечествии истинною, благочестием, премудростию, присным трудом и бде-

нием к общему добру, любовью ту украсих. Многое, изряднее же бесчисленное воинство различных народов победих, от них же бесчисленные израстаю мне похвал ветви на поли историческом. Различная государства, паче же весь мир свидетелем есть о моих победах. Толкико торжественныя входы о мне скажут, корысти объявляют!

Ныне же сам побежден! За лярв торжеств(ен) смертным увенчан есмь кшарисом, смерти корысть бых.

Еже ныне умрох — божие то дело, а ежели таков и толк, то конец жития виждь, да не о мне восплачешься: не бо умрохом, ко благополучию отидох безмертия!” (л. 455)

Следовательно, смерть его тяжка не ему самому, а лишь тем, кого оставил по себе — „россиянам”, в данном случае — учителям и ученикам Московской академии. Сам же он принимает ее как неизбежность, естественное Завершение Земного пути („нужда есть всем к пристанищу сему плыти”).

Нетрудно заметить, что позиции авторов *Похвал* далеко не были последовательно просветительскими. С новыми идеями в их сознании прочно уживались и традиционные, христианские убеждения, в частности, представления о загробной жизни, о бессмертии души, отчетливо отразившиеся в способах идеализации героя.

Желая всеми средствами возвысить авторитет царя-преобразователя в глазах современников, сочинители *Похвал* не отказывались от религиозного оправдания его начинаний: в таком оправдании пуждалось сознание тогдашнего человека, тем более, что в консервативных, особенно церковных кругах Петра I принимали за антихриста и с его именем связывали гибель России и конец света.

В большинстве составляющих *Похвалы* панегириков утверждалось бессмертие не только добродетелей и дел Петровых, но и его самого. Он сам оказывался избранником Божиим, которому в награду за его „труды” уготовано вечное блаженство на небесах („до небесного венца бог всемогущий [...] ныне избра” императора) (л. 451 об.); Петр „душу благочестно, христиански, православно между смертными бессмертно предаде” (л. 454 об.); „Горè же от истины судни и бога летяся ему за труд благодать премнога” (л. 458); „Прейде к богу [...] от временна жития в вечныя чертоги” (л. 459).

Но и в этом случае, когда настойчиво подчеркивалась мысль о божественном признании дел Петровых и предопределенности его судьбы небесным промыслом, авторы *Похвал* не наделяли его традиционными христианскими добродетелями (смирение, молитвенность, постничество), которые действительно были ему совершенно чужды. Мысль сочинителей двигалась в ином, более реалистическом направлении. Богу оказывались удобными жизнь и труды царя, активного строителя и создателя, а не аскета. Иначе говоря, авторитетом бога оправдывалась и освещалась

чуждая церковному мировоззрению „революционная” деятельность Петра I, предпринявшего строительство Новой России на началах разума и науки, а не веры.

Таким образом, Петр I представлен в *Похвалах* как идеальный монарх, открывающий пути к просвещению и преобразованию своей страны, достойный подражания, вечной памяти и вечной похвалы. В этом плане рассматриваемое сочинение входит в то ведущее русло петровской литературы, которое было представлено творчеством Ф. Прокоповича, обозначившим, по мнению Э. Винтера, раннее Просвещение в России¹⁸, а также именами Г. Бужинского, Татищева и Третьяковского.

Поэтическая разговоры (так в П названо стихотворное отделение рассматриваемого действия), составленные, как уже говорилось, из семи отдельных виршей-панегириков, уподоблены автором надгробному „венцу”. Этот образ-символ является выражением основной поэтической идеи стихотворного цикла, организующей каждый из монологов и объединяющей их все вместе взятые в единое целое.

Наиболее отчетливо этот образ развит в первом стихотворении, имеющем характер заглавного по отношению ко всем остальным и построенном по определенному, заданному плану.

Оно открывается вступлением (первое четверостишие), в котором выявляется авторская идея и способ ее поэтического воплощения — создание стихотворного „венца” „отчества отцу”:

Стихотворства венец соплетаю,
Главе избранной умильно свеваю,
Отечества отцу, Петру преизбранну
Богом нам данну

(л. 457)

Далее следуют составляющие главную часть *Похвалы*, так сказать, словесные цветы в венец Петру как правителю, воину-полководцу, „Фебу сняющему”, „кормчому” российского флота, устройтелю „манифактур” и художеств.

Закончив земной путь, создатель переложил свой царский венец на главу Екатерины:

Екатерину поставль царствовать,
Скиптр ей отда и царску державу
Венец и Славу

(л. 457 об.)

Последнее четверостишие-концовка вновь возвращала слушателя и читателя к Петру, но уже в новом качестве, осененному новым венцом — венцом благодати небесной:

¹⁸ Э. Винтер: Ф. Прокопович и начало русского Просвещения. „XVIII век”, сб. 7, изд. „Наука”, Москва-Ленинград 1966.

Сам же отиде в небесныя дворы,
Да царствует там со святых лик хоры,
Где достоин есть венец благодати
От бога взяти

(л. 457 об.)

Следовательно, „венец” как слово-образ, слово-символ является опорным в структуре данного стихотворения. Оно повторено здесь трижды, притом всякий раз в ином значении: венец надгробный, как знак высокого признания отечеством заслуг умершего; „венец и слава” как символ земной, временной власти, который сменяется последним, третьим венцом — „венцом небесным”, символизирующим божие избрничество и вневременную, блаженную жизнь на небесах.

Образом венца стихотворение открывается, им же и замыкается, причём, осынив в заключение своего героя нетленным венцом, даровав ему высшую божественную награду, автор обозначил тем самым завершение жизни земной и открытие новой, бесконечной.

Так создавался образ замкнутого круга, „венца” как символа законченности, совершенства и вечности.

Эта иллюзия поддерживалась также внешней формой стихотворения, членившегося на равные, повторяющиеся отрезки — четверостишия с парной рифмовкой, состоящие из трех длинных строк (10—11-сложных) и замыкающей короткой (5-сложной).

Следует подчеркнуть, что автор не без знания дела оперирует традиционными поэтическими образами. Он так вплетает их в словесную ткань, что в итоге создается определенная поэтическая система, служащая воплощению его замысла.

В этом отношении он выгодно отличается от авторов рукописных панегирических песен и стихов, написанных также на смерть Петра I и исполненных, по мнению А. В. Позднеева, студентами той же Московской академии. Исследователь оценивает их как незрелые и неинтересные, ибо использованные в них средства поэтического языка лишены системы¹⁹.

Смысл фразы „стихотворства венец соплетаю”, начинающей первый монолог *Поэтических разговоров*, относится, несомненно, не только к данному фрагменту, но распространяется на все вирши. И не только потому, что образ стихотворного венца предполагает наличие и повторение составных частей (отдельных стихотворений), но и потому, что рассмотренная нами идейно-композиционная схема первого фрагмента повторяется, варьируется в каждом следующем. Эта схема проста и может быть представлена в следующем виде. После краткого вступления следовала центральная часть, содержащая похвалы, выражение чувств восторга и благодарности, верности идеям преобразований, скорби,

¹⁹ А. В. Позднеев: *Рукописные песенники XVII—XVIII вв.*, „Ученые записки Московского Государств. заочного пединститута”, т. I, Москва 1958, с. 47.

плача и — размышления о неизбежности и неотвратимости смертного часа; плач и скорбь по императоре сменялись обращением к новой императрице как достойной наследнице великого преобразователя, дающей утешение подданным.

Завершались же монологи краткой молитвой за душу царя, переселившуюся с земли на небо и пребывающую там среди сонма праведников и святых.

В выражении противоположаемых мыслей и чувств — восхищения и скорби, скорби и утешения, плача и надежды — выдерживалось определенное равновесие. Отмеченные признаки идейно-композиционной и стилистической структуры стихотворного цикла отчасти могут быть прослежены и в прозаических „похвалах от риторов”.

Но в отличие от кратких стихотворных монологов, в которых важнейшая роль принадлежала форме, ораторские „слова”-„похвалы” в силу иной природы этого жанра давали возможность авторам иначе подойти к организации конкретного материала, — развернуть повествование о жизни, смерти и личности Петра I с большей полнотой и конкретностью.

Здесь устанавливался также и более тесный и непосредственный эмоциональный контакт между исполнителями и зрителями. Этой цели служит в частности широкое использование фигуры риторического обращения к Петру I как к живому, к России, но чаще всего к присутствующим и более того — к современникам, обозначенным в тексте то множественным числом „слушатели”, то единственным в значении собирательного — „всяк приходящий”, „зрящий”, „пришедший”, „путешественнике”.

Каждый из риторов начинал свое „слово” с обращения к собравшимся и побуждения их к сопереживанию, соучастию в скорбном действе:

„Всяк приходящий чудо -- не надгробие zde зриши!” (л. 452); „Праху, в нем же человек — Фенике погребен лежит, удивися, зрящий!” (л. 452 об.); „Воздохни всяк приходящий, и воздыханием сотователным прах смертный развей, да удобнее прочтеша характер умершего Петра [...] Зде паде, нже вознес даже до небес славою своею Россию!” (л. 453 об.); „Рыдаеш, пришедший? Приникни и воплачи при сем море скорбей! Окиян славы усше [...]” (л. 454 об.).

За этими обращениями, не имеющими, естественно, соответствия в стихотворных монологах, следовала, как и в стихах, главная часть, в которой развивались похвалы герою за его подвиги и выражались чувства скорби в связи с его кончиной. Скорбная атмосфера умерялась, однако, неизменным обращением к вступившей на престол Екатерине Алексеевне как продолжательнице дел петровых и пожеланием ей здоровья и долгого благополучного царствования. Завершались же „слова”

риторов, как и монологи „пнит”, молитвой о душе императора, достойного небесной благодати.

В прозаических монологах, подобно стихотворным, развивался мотив венца с тем же самым смысловым значением. Кроме того, этот образ-символ в одном и другом случаях (и в поэтической и в риторической частях) поддерживался родственными ему и часто повторяющимися традиционными уподоблениями царя и его добродетелей свету, солнцу, сиянию (нередко с противопоставлением тьме); смерть же представлялась как угасание, помрачение света, заход солнца.

Все сказанное позволяет предположить характер мизансцен. Исполнители надгробных „слов” и виршей, возможно, располагались (либо с самого начала представления, либо постепенно по ходу действия) вокруг гроба царя, в два ряда (ряд „риторов” и ряд „пнит”), образуя, таким образом, силуэт надгробного венка.

Обобщая наблюдения, относящиеся к форме рассматриваемого произведения, мы приходим к выводу, что оно как в своих составных частях, так и в целом основано на повторениях и вариациях одних и тех же идей и идейно-композиционных схем, а также образов поэтического языка и синтаксиса, выработанных официальной публицистикой и панегирической литературой петровского времени.

В заключительной (наиболее пространной) части — *Конфермации*, написанной в форме торжественной политической проповеди, вновь и уже в более развернутом виде давалась итоговая оценка завершившегося царствования как нового и благотворного этапа в русской жизни.

Но в отличие от предыдущих частей здесь главное внимание сосредоточивалось на самой личности Петра как царя и простого труженика, правителя и воспитателя подданных. Особенно интересно, что здесь крупным планом развивалась мысль о переделке самих россиян, о сознательном приобщении их к новым идеям, что настойчиво осуществлялось преобразователем, притом не только словом, но главным образом личным примером, непосредственным участием его в труде наравне с солдатами, матросами, плотниками.

К какому жанру принадлежит рассмотренное нами произведение и в каком ближайшем литературном окружении его следует рассматривать?

Написанные в связи с конкретным, имевшим большой политический резонанс, событием и публично в печально-торжественной обстановке представленные „студентами”, *Надгробные похвалы* имеют все признаки одной из форм школьной драматургии — декламации.

Эта жанровая разновидность, занимавшая промежуточное положение между драмой и поэзией²⁰, не новость в литературе двадцатых го-

²⁰ В. И. Резанов: К вопросу о старинной драме. Теория школьных декламаций по рукописным поэтикам, ИОРЯС 1913, № 1, с. 11—17.

дов XVIII века. К тому времени она имела уже давнюю традицию. Начиная с 1660 года, эта форма активно развивалась С. Полоцким²¹ и его учениками. Как показано в исследовании А. М. Панченко, со времени С. Полоцкого постановка декламаций силами „отроков“, учеников, становится одним из устойчивых элементов придворного обихода. Так как декламации посвящались обычно царю и членам его семьи и приурочивались к церковным или семейным праздникам, то исполнение их обычно происходило в церкви либо в царских палатах.

С возникновением театра в Московской академии (1701 год) по инициативе приехавших туда учителей и студентов, пьесы сочинялись и ставились согласно традициям, введенным в Киево-Могилянской академии, ежегодно и даже дважды в течение года²².

Так, в период 1702—1705 годов там было написано и поставлено *Действо о семи свободных науках*, исполненное учителями и семью „отроками“. Исследователи (В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, П. Н. Берков) относят эту пьесу к „диалогам“²³, являющимся ближайшей по отношению к „декламациям“ жанровой разновидностью школьной драматургии.

Однако в целом наши знания о литературной и театральной деятельности Московской академии крайне не полны и отрывочны. В науке известно лишь о четырнадцати пьесах, поставленных там в течение первой половины XVIII века, из которых полностью сохранились четыре; об остальных же можно судить либо по программам (5), кратко излагавшим содержание представляемых на сцене произведений, либо только по названиям (5).

Из числа четырех сохранившихся пьес две (в том числе и названная выше) относятся к первым годам XVIII века (1701—1703), а две другие — к 1728 и 1742 годам. Следовательно, за двадцатипятилетний период существования театра (с 1703 по 1728 год) ни одна из поставленных там пьес не сохранилась.

Найденное нами произведение, явившееся одним из первых (если не первым литературным откликом на кончину Петра I), несколько восполняет этот пробел и расширяет сложившееся представление о литературной деятельности Московской академии.

Надгробные похвалы ... Петру Великому вместе с *Элегией о смерти*

²¹ И. П. Еремич: Декламация С. Полоцкого, Труды отдела древнерусской литературы Института Русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. 8, Москва-Ленинград 1951, с. 354; Н. И. Прашкович: Из ранних декламаций С. Полоцкого, Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. 21, Москва-Ленинград 1965, с. 29—38.

²² Л. Майков: Молодость Тредиаковского до его поездки за границу (1703—1726), Журнал министерства народного просвещения 1897, июль, отд. 2, с. 11—12.

²³ Опубликована Н. С. Деминным в кн.: Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы, изд. „Наука“, Москва 1974, с. 127—192.

Петра Великого (1725) В. Тредиаковского²⁴, бывшего тогда студентом Московской академии, и драмой *Слава печальная*, поставленной „на театре публичном в Московском гошпитале через хирургической науки учеников 1725 году декабря в 26 день“, автором которой признан Федор Журовский²⁵ — выученик той же Академии, — образуют тесный круг произведений, вышедших из одной и той же среды и возникших в связи с одним и тем же событием, имевшим глубокий общественно-политический и литературный резонанс.

Но вопрос о взаимоотношении этих произведений является предметом другой статьи, которая нами подготавливается.

²⁴ В. Тредиаковский: Избранные произведения, изд. „Библиотека поэта“ (Б. серия), Москва-Ленинград 1963, с. 56—59; впервые „Элегия“ была опубликована в 1730 г. в приложении к изданию романа „Езда в остров любви“.

²⁵ С. А. Щеглова: Неизвестная драма о смерти Петра I, Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. 6, изд. АН СССР, Москва-Ленинград 1948, с. 382.

Maria Nikolajewa

PANEGIRYCZNE „WIDOWISKO” NA ŚMIERĆ PIOTRA I

Streszczenie

Artykuł prezentuje czytelnikowi nieznaną utwór dramaturgii szkolnej napisany przez nauczycieli i studentów słowiano-greko-łacińskiej akademii w związku ze śmiercią Piotra I i wykonany publicznie w teatrze szkolnym 20 marca 1725 roku.

„Pośmiertne pochwały... Piotra Wielkiego” należą do utworów literatury panegirycznej epoki Piotrowskiej, których celem była obrona i propaganda idei oświecenia i reformacji w Rosji.

Marya Nikolayeva

THE PANEGYRIC „SHOW” ON THE DEATH OF PETER I

Summary

The paper discusses an unknown piece of school dramaturgy commemorating the death of Peter I. It was written by teachers and students of the Slavonic-Greek-Latin Academy and performed at the school theatre on March 20, 1725.

„Pokhvalnaya Rech na Koncu Petra Velikogo” (Posthumous Praises of Peter the Great) belongs to the panegyric trend in literature of his era. It aimed at propagating the ideas of Enlightenment and defending his reforms in Russia.